

На другом краю Облачной цепи двух стоп — там, где таяли в тумане две узкие нити, — росли травы и цветы столь редкие, что за целые эпохи лишь единицам удавалось коснуться их лепестков.

Всё потому, что добравшимся до обрыва неизменно приходилось выбирать: кто ступит на шаткий путь, а кто останется на берегу, принося себя в жертву ради защиты идущего. Никто не хотел становиться этой жертвой. Но и желающих доверить собственную жизнь другому, балансируя над бездной, находилось немногим больше.

Впрочем, из любого правила есть исключения. Например — Лэн Бэйси и Цзинь Мэй, которых прижали к самому краю демонические заклинатели.

Они не совещались. Лэн Бэйси почти без раздумий вытолкнул Цзинь Мэй на Облачную цепь двух стоп.

Дрожа всем телом, она замерла на узких звеньях и вдруг разрыдалась. Трудно было сказать, чего в этих слезах было больше: страха перед высотой или боли от вида Лэн Бэйси — израненного, истекающего кровью, но готового стоять до конца.

А может, её ранило именно это его отсутствие колебаний.

Она годами твердила ему, что он уродлив, что он скучный и невыносимый — но всё это было лишь пустой болтовнёй. Цзинь Мэй застыла на Облачной цепи двух стоп, кусая губы; казалось, тысячи слов рвутся наружу, но она не успела произнести ни одного. Лэн Бэйси оборвал её яростным, надрывным окриком:

— Уходи! Живо!

Цзинь Мэй невольно сжала всю свою невысказанную нежность и боль в одно короткое:

— Дурак!

Лэн Бэйси в ответ лишь горько усмехнулся. Из-за глубоких ран на лице его улыбка казалась ледяной и пугающей.

— Не глупее тебя, — выдохнул он. — Всё твердишь о любви, а сама в ней ни черта не смыслишь. Видно, так и помру, не дождавшись, пока ты поумнеешь.

Даже в такой миг они не нашли друг для друга доброго слова. Это признание Лэн Бэйси было сложно понять постороннему, но для Цзинь Мэй, которая годами грезила о «великом чувстве», в его израненном силуэте наконец воплотилось всё, что она искала.

Больше она не медлила. Смахнув слёзы, девушка бросилась вперёд по цепи, прошептав самой себе:

«Кто сказал, что я не смыслю?»

Линь И шёл по Облачной цепи двух стоп всё увереннее, привыкая к весу Сюаньюань Куня на своей спине. Как бы ни было страшно, духовная сила поддерживала его, не давая оступиться. Вглядываясь в проплывающие перед глазами картины прошлого и вспоминая слова Сяо Бецзюня о глупости Цзинь Мэй, он негромко вздохнул:

— Действительно, блаженная...

— Просто люди бывают разные, — негромко отозвался Сюаньюань Кунь.

Для Сяо Бецзюня Цзинь Мэй всегда оставалась неразумным дитятей — сколько бы он ни открывал ей сердце, она оставалась глуха. Но для Лэн Бэйси она изменилась. Всё дело было в том, кто именно стоял перед ней.

— Учитель, — позвал юноша, и голос его прозвучал почти интимно, — я не глупый. И только вы для меня... особенный.

Линь И на мгновение замер. Особенный? В каком смысле?

— Учитель, — продолжал Сюаньюань Кунь, явно желая быть услышанным, — а кто я для вас?

В такой обстановке эти слова неизбежно приобретали какой-то едва уловимый, двусмысленный оттенок. Линь И ощутил странный укол беспокойства, но, подавив его, ответил:

— Хм... Разумеется, ты тоже не такой, как все.

«Не такой, как все». Конечно, ведь ради него он создавал этот мир. Он — главный герой, воплощение всего прекрасного, о чём только мог мечтать автор.

Когда Цзинь Мэй, израненная и измождённая, вернулась с того берега, её ждал не Лэн Бэйси. Её встретил Сяо Бецзюнь и другие заклинатели, опоздавшие с подмогой.

Девушка в отчаянии бросилась к ним с расспросами и узнала: Лэн Бэйси жив, но раны его столь тяжелы, что он балансирует на грани между мирами. Его унесли на лечение, и никто не знал, дотянет ли он до рассвета. Сяо Бецзюнь, и без того измученный тревогой, не мог без боли смотреть на израненную Цзинь Мэй. Он резко приказал ей не сметь покидать гору Бутянь, пока не утихнут распри.

— Нет! — выкрикнула девушка.

Она сжимала в руках несколько стеблей редчайшей травы, добытых ценой собственной жизни, и теперь буквально впихнула их в руки Сяо Бецзюня.

— Я не вернусь на гору Бутянь. Я выйду за него!

Сяо Бецзюнь оцепенел. На его лице, всегда хранившем печать благородства и спокойствия, впервые проступил гнев.

— Что за вздор ты несёшь?! Здесь ученики Меча Лазурной Пустоты, ты хоть понимаешь, как позоришь себя этими словами?

Присутствующие замерли, не смея дышать.

— Я видела там лекарство, которое его спасёт! — Цзинь Мэй вновь сунула травы Бецзюню, и голос её дрожал от решимости. — Там, под водами Небесного пруда, цветёт Лотос Девяти Сыновей. Я добуду его. Если Лэн Бэйси выживет, я обязательно стану его женой!

— Довольно ребячества!

Но она уже не слушала. Прежде чем Сяо Бецзюнь успел её схватить, она бросилась обратно к Облачной цепи двух стоп. Девушка бежала, не оборачиваясь, оставив наставника в горьком одиночестве.

Линь И не знал, боялась ли она увидеть боль в глазах Сяо Бецзюня или её вела слепая преданность. В этой решимости было нечто пугающее и в то же время величественное.

Облачная цепь двух стоп под ногами и бездонная пропасть исчезли — они снова стояли на твёрдой земле. Линь И бережно опустил Сюаньюань Куня, но, опасаясь снова потеряться, первым взял его за руку. Ладонь юноши была холодной, словно у мертвеца. «Такая же холодная, как он сам», — подумал он.

Сюаньюань Кунь же, почувствовав тепло чужой ладони, наконец ощутил покой. Та глухая ярость, что терзала его, когда учитель касался других, утихла.

Лэн Бэйси выжил, хотя забытьё его длилось долго. К тому времени Сяо Бецзюнь уже занял место главы Зала Восточной Изгороди. Обладая величайшим мастерством целителя, он едва ли не круглые сутки проводил у постели раненого друга.

Лу Чжань заглядывал редко — каждый его визит сопровождался новыми ранами и вестями с фронта. Сяо Бецзюнь наотрез отказался использовать Лотос Девяти Сыновей, добытый Цзинь

Мэй такой ценой. Как бы она ни извинялась, как бы ни просила — он оставался холоден.

Девушка угасала на глазах. Её алые одежды и некогда яркое лицо словно подернулись пеплом. Больше всего на свете она любила красоту, но теперь, если бы не магия, поддерживающая облик, она наверняка перестала бы даже прихорашиваться.

Лэн Бэйси очнулся погожим весенним утром. Для заклинателей несколько месяцев — лишь миг, но для него эта весна стала вторым рождением. Когда он открыл глаза, комнату заливал мягкий утренний свет.

С трудом поднявшись, он подошёл к окну и распахнул его. Непривычно яркое солнце заставило его зажмуриться. И тут за его спиной раздался негромкий, звонкий смех.

Это была Цзинь Мэй.

Её алое платье больше не казалось призрачным; в ней проснулась мягкая, чисто человеческая нежность, которая, впрочем, лишь подчёркивала её колдовское очарование. Она сияла ярче весенних цветов. Лэн Бэйси долго не мог отвести от неё взгляда.

— Ч-что ты... что ты здесь делаешь? — суровый воин впервые в жизни растерялся. Он покраснел до самых кончиков ушей, просвеченных солнцем.

Его память обрывалась на том нелепом, неловком признании перед бездной. Он не знал, как она изменилась ради него и сколько ночей провела в молитвах о его спасении.

Цзинь Мэй не стала объяснять. Видя его смущение, она рассмеялась ещё веселее — сквозь слёзы. А затем бросилась к нему и крепко обняла.

Вспыхнул шёлк алых одежд.

— Что такое любовь? — прошептала она, прижавшись к его груди. — Теперь я знаю.

За окном замер Сяо Бецзюнь. Он шёл к другу с целебными пилюлями, но, увидев эту сцену, молча развернулся.

— И впрямь... блаженная.

Линь И слышал эти слова, слышала их и Цзинь Мэй. Она вытерла слёзы, но не побежала следом. Лэн Бэйси же стоял как громом поражённый, не решаясь обнять её в ответ.

Однако эти хитросплетения чувств не помешали миру восстанавливаться. Демонические

заклинатели и защитники города устали от бесконечной осады. Пользуясь передышкой, Лэн Бэйси и Лу Чжань тайно восстановили укрепления у моста Линьси, решив перевести туда мирных жителей через транспортный строй.

В один из таких спокойных дней, на закате, Цзинь Мэй позвала Лэн Бэйси к мосту Линьси. Она стояла на самой середине, залитая багрянцем заходящего солнца. В руках она бережно сжимала тот самый Лотос Девяти Сыновей.

— Я всегда помнил о тебе, — негромко произнёс Лэн Бэйси. — Я никогда не забывал, что обязан тебе жизнью.

Цзинь Мэй лукаво улыбнулась:

— «Обязан жизнью» — как официально звучит. Признайся просто: ты ни дня не мог прожить, не думая обо мне.

Обычно острый на язык, Лэн Бэйси стушевался и стал похож на застенчивую девушку даже больше самой Цзинь Мэй.

Они говорили долго, вспоминая всё: как он, пытаясь поймать карпа, запутался в водорослях и едва не утонул; как она спасла его той ночью... Кто и о ком думал все эти годы — теперь было уже неважно.

— Ты любишь меня? — спросила она.

— Люблю.

Цзинь Мэй обхватила его за шею и хитро прищурилась:

— А сильно любишь?

Лэн Бэйси подхватил её на руки, и в его взгляде отразилось такое тепло, какое способно расплавить даже камень.

— Сильно.

— Насколько?

— Дороже собственной жизни.

Она стала для него сокровищем, ценнее самой судьбы.

Они уходили с моста в сгущающихся сумерках, и их тени, длинные и неразлучные, ложились на камни. В этом не было пафоса — лишь тихая нежность, самая прекрасная картина, которую только может создать жизнь.

Цзинь Мэй наконец поняла. Она поняла, что такое настоящая любовь.

<http://bllate.org/book/17554/1712585>